
ВЕРШИННЫЕ СОСТОЯНИЯ ДУХА

В. Франкл

ВОСПОМИНАНИЯ: АВТОБИОГРАФИЯ.

Часть 2. Продолжение. Перевод А.Н. Зелинской

Viktor Frankl "Recollections" 2000.

Виктор Франкл «Воспоминания», автобиография автора «Человек в поисках смысла»
(Перевод на англ. Джозеф и Джудиф Фабри)

Вступительное слово: Джозеф Фабри

*Оригинальная версия этого издания была опубликована в Германии под названием «То, что не сказано в моей книге». Перевод сделан по второму изданию (Издательство Союз, Вайнхайм, Германия).
Первое издание книги в мягкой обложке — июнь 2000 г.*

Школьные дни

Во время первой мировой войны государственным служащим было нелегко в финансовом отношении. Наша семья больше не могла себе позволить проводить летние каникулы в прежних местах отдыха, и мы поехали в Похорлис, в место рождения моего отца.

Мы — дети, ходили просить хлеба в соседние фермы или воровали зерно с полей. В Вене я стоял в очереди с 3 часов утра для того, чтобы купить картошки. Мама приходила менять меня в 7:30, чтобы я мог идти в школу. И это было зимой.

Наступило беспокойное время между великими войнами. Тем не менее, я начал с нетерпением поглощать книги философов-идеалистов, таких как Вильгельм Фридрих Оствальд¹ и Густав Теодор Фехнер². Я еще не столкнулся с работой Фехнера, когда сделал несколько заметок в моих тетрадях и выбрал амбициозное название «Мы и устройство мира». Я уже начал понимать некий принцип баланса во вселенной.

¹ Вильгельм Фридрих Оствальд (нем. Wilhelm Friedrich Ostwald, латыш. Vilhelms Ostvalds; 2.09.1853, Рига — 4.04.1932, Лейпциг) — балтийский немец, физико-химик и философ-идеалист, лауреат Нобелевской премии по химии (1909).

² Фехнер (Fechner) Густав Теодор (19.04.1801, Грос-Зерхен, близ Мускау, — 18.11.1887, Лейпциг) — немецкий физик, психолог, философ-идеалист, писатель-сатирик (выступал под именем доктора Мизеса).

Как-то мы плыли на лодке вверх по течению Дуная. Около полуночи я лежал, смотря на звездное небо, и думал о «нравственном законе внутри нас» (по Канту). У меня уже был опыт того, что нирвана в физической космологии как «горячая смерть», когда ты видишь ее изнутри. Я был убежден, что есть какой-то универсальный принцип гомеостаза, и что во Вселенной есть тенденция к состоянию покоя и равновесия.

Фехнер с работой «День против ночных убеждений» произвел на меня впечатление позже, а еще позже я увлекся З. Фрейдом «По ту сторону удовольствия». Это увлечение стало началом моей конфронтации с психоанализом.

До средней школы я был в школьных списках почета, но позже начал следовать собственным интересам. Я посещал вечерние занятия для взрослых по прикладной психологии и начал интересоваться экспериментальной психологией.

Выступая в школе, я хотел наряду с моими докладами (такими как «Феномен Верагута психогальванического рефлекса»³) использовать так же сопровождающие и иллюстрирующие их мероприятия.

Одноклассники вызывались добровольно. После нескольких слов, я называл имена их подруг и указатель на гальванометре, спроектированный на лабораторной

³ Верагута психогальванический рефлекс (Veraguth O., 1904) — снижение электрической сопротивляемости кожи или колебания кожного электропотенциала в состоянии психического возбуждения в связи с изменением секреции потовых желез. Дает возможность объективно регистрировать изменение эмоционального состояния человека.

стене, подпрыгивал выше своего предела. В этих случаях каждый был смущен, но, к счастью, для одноклассников, классная комната была слишком темной для того, чтобы кто-то мог видеть, что они краснеют.

Все больше и больше моя устная и письменная речь становилась научным трудом по психоанализу. Все большей информацией по этому вопросу я делился с одноклассниками. Все знали, что происходило в бессознательном нашего профессора по логике, когда он произнес фрейдистскую оговорку. Он хотел рассказать нам о населении Вены, а вместо слова «population» — население, он сказал «copulation» — копуляция⁴.

Свои первые знания по психоанализу я получил напрямую от непосредственных влиятельных учеников З. Фрейда. Таких как Эдуард Хиршманн⁵ и Пол Шильдер⁶, которые регулярно читали лекции в психиатрической клинике имени Вагнера фон Яурега⁷ при университете.

Вскоре я начал вести переписку с Фрейдом. Я послал ему материалы, с которыми сталкивался в своих междисциплинарных чтениях и которые, как я думал, могли заинтересовать его. Он всегда сразу отвечал на каждое письмо.

К сожалению, все письма и открытки Фрейда — вся наша корреспонденция в течение моего обучения в высшей школе — были конфискованы гестапо несколькими годами позже, когда я был депортирован в концентрационный лагерь. Кроме того, у меня также были изъяты несколько историй болезней, которые молодой Фрейд написал от руки во время его посещения психиатрической клиники университета. Они были даны мне хранителем архива, когда я работал там.

Однажды, сидя на скамейке в Пратер парке — моем любимом рабочем месте в то время — я записал все,

⁴ Копуляция (от лат. copulatio – соединение) – соединение двух особей при половом акте; процесс слияния двух половых клеток (гамет).

⁵ Эдуард Хиршманн (28.07.1871, Вена – 31.07. 1957, Глостер, штат Массачусетс) – австрийский врач и психоаналитик. Соиздатель международного журнала психоанализа.

⁶ Шильдер (schilder) Пауль (15.02.1886, Вена – 1940, Нью-Йорк) – австро-американский психиатр, невролог, психоаналитик и философ. Работал в качестве первого ассистента в психиатрической и неврологической клинике Вены. Помог распространению психоанализа в Америке.

⁷ Юлиус Вагнер Риттер фон Яурегг (нем. Julius Wagner Ritter von Jauregg), после упразднения дворянских титулов в Австрии – Юлиус Вагнер-Яурегг (нем. Julius Wagner-Jauregg) (7.03.1857, Вельс, Верхняя Австрия – 27.09.1940, Вена, Австрия) – австрийский психиатр, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине (1927).

что пришло мне в голову относительно происхождения мимического выражения утверждения и отрицания. Я был более чем удивлен, когда Фрейд написал, что послал мою статью в международный журнал психоанализа, надеясь, что я не буду возражать.

И, действительно, статья была издана в этом журнале в 1924 году. Она не была моей первой публикацией. Первая публикация появилась раньше, в 1923 году в молодежном приложении ежедневной газеты. Это было довольно парадоксально, что статья, написанная психиатром, начиналась с заявления о том, что он больше всего ненавидел здравый смысл. (Я пытался критиковать слепое принятие на веру традиционных мыслей).

Тех, кто знает меня, также знает и то, что моя оппозиция идеям Фрейда никогда не препятствовала проявлять по отношению к нему уважение, которого он заслуживал. Возможно, мое уважение иллюстрируется предложением, которое я сделал, когда был вице-президентом Австрийского общества. Мы собирали денежные средства в поддержку еврейского университета в Иерусалиме, на строительство университетского городка, который впоследствии, по моей инициативе был назван «Зигмунд Фрейд холл».

Я не только переписывался с Фрейдом, но также, будучи студентом университета, однажды случайно встретил его. Когда я представился, он немедленно спросил меня: «Виктор Франкл. Вена, второй район, Чернингассе 6 — 25, правильно?»

«Верно», — кивнул я. Наверное, Фрейд выучил мой адрес наизусть в результате нашей долгой переписки и посланным открыткам.

Если та встреча была случайностью, то эта произошла слишком поздно. Я уже попал под влияние Альфреда Адлера, который в 1925 году принял мой второй научный доклад для международного журнала индивидуальной психологии. Впечатление, которое произвел на меня З. Фрейд, разительно отличалось от впечатления, произведенного на меня Адлером. Чтобы описать его не хватит этой небольшой книги.

Курт Эйсслер⁸ — глава архива З. Фрейда в Нью-Йорке, попросил меня, во время одного из своих визитов в Вену, сделать аудиозапись моих воспоминаний о встрече с Фрейдом. Я выполнил эту просьбу, и запись была добавлена в архив.

⁸ Эйсслер (Eissler) Курт (1908-1999) – австро-американский психоаналитик. Доктор философских наук (1934; по психологии) и доктор медицинских наук (1937) Венского университета. Историк международного психоаналитического движения. Сооснователь и хранитель архива З. Фрейда при библиотеке конгресса США.

Психиатрия — моя избранная профессия

Я был еще в средней школе, когда желание моего раннего детства стать врачом обрело целенаправленность. Под влиянием психоанализа, я начал интересоваться психиатрией.

Какое-то время я увлекался дерматологией и акушерством. Однажды В. Оустерайхер — студент медицинского факультета (позже обосновавшийся в Амстердаме) спросил меня, слышал ли я о Сёрене Обю Кьёркегоре⁹. Так или иначе, мои интересы в других областях, не в психиатрии, напоминали ему линию Кьёркегора: «Не отчаивайтесь на пути к тому, чтобы стать самим собой». В. Оустерайхер сказал мне, что я был одаренным в области психиатрии, и что мне следовало бы признать свой талант.

Трудно поверить, что решающим поворотам нашей жизни мы, иногда, должны быть благодарны случайным замечаниям со стороны других людей. С того момента я принял решение больше не избегать моей «психиатрической самоактуализации». Я спросил себя, действительно ли я одарен для психиатрии? Если это так, то, возможно, это связано с другой моей способностью — умением рисовать карикатуры.

Как карикатурист, так и как психиатр, я могу обнаружить слабые места в человеке. Но как психиатр, или скорее, как психотерапевт, я могу видеть за пределами существующих недостатков, фактических слабостей и интуитивно чувствовать некоторые возможности преодоления этих слабостей и недостатков. Я могу смотреть на ситуацию вне страдания, если чувствую потенциал смысла за ней. Таким образом, очевидное бессмысленное страдание превращается в подлинное человеческое достижение. Я убежден, что, в конечном счете, нет ситуации, которая не содержала бы в себе семени смысла. В значительной степени, это суждение лежит в основе логотерапии.

Но какова польза от таланта психиатрии без желания стать психиатром? Мы должны спросить себя не только о том, что дает психиатрия человеку, как профессия, какие возможности она открывает перед ним, но и о том, что мотивирует его или ее заниматься этой профессией. Я полагаю, что для незрелых, юных людей, соблазн психиатрии заключается в ее обещании обретения власти над другими людьми, доминирования и манипулирования ими. Знание есть сила и власть, и такое знание некоторых человеческих реакций дает нам преимущество над другими людьми.

Это наиболее очевидно в случаи с гипнозом. Я признаю свой ранний интерес к гипнозу и то, что в возрасте 15 лет, я был способен использовать его правильно.

В своей книге «Психотерапия повседневной жизни» я описываю, как в качестве стажера отделения гинекологии больницы Ротшильда в Вене, я должен был выполнить наркоз перед операцией. Мой научный руководитель и руководитель отделения доктор Флэйшман дал мне почетное, но не очень многообещающее задание — загипнотизировать пожилую женщину, которая не могла проглотить необходимое для ее операции снотворное. По некоторым причинам местная анестезия была также невозможна. Таким образом, я пытался освободить бедную женщину от боли с помощью гипноза. Мои старания увенчались успехом.

Но неожиданный сюрприз ждал меня. Поскольку наряду с похвалой врачей и благодарностью пациента, были также самые горькие и яростные упреки со стороны медсестры, которая обрабатывала хирургические инструменты во время операции. Она сообщила мне с упреком, что ей пришлось использовать всю свою волю, чтобы побороть сонливость во время введения пациента в гипнотическое состояние. Мои монотонные предложения, которыми я пытался ввести в состояние гипноза пациента, воздействовали на окружающих тоже.

Будучи молодым врачом неврологической больницы Марии Терезы Шлессел, я продолжал экспериментировать. Мой руководитель — доктор Йозеф Герстман¹⁰ попросил меня погрузить в сон пациента, страдавшего бессонницей. Этот пациент был помещен в двухместную палату. Поздно вечером я тихо прокрался к нему, сел около постели и повторял в течение, как минимум получаса, гипнотические предложения: «Вы спокойны, абсолютно спокойны. Вы чувствуете приятную усталость. Вы погружаетесь во все большую и большую усталость. Ваше дыхание становится спокойным, очень спокойным. Ваши веки тяжелые, становятся все тяжелее и тяжелее. Ваши заботы далеко, далеко от Вас. Скоро Вы заснете». Когда я уходил, мной овладело разочарование. Я увидел, что не помог этому человеку. Но, войдя в палату на следующий день, я был очень удивлен восторженному приему. «Я прекрасно спал прошлой ночью. Через несколько минут после того, как Вы начали говорить, я погрузился в глубокий сон». Но, к сожалению, эти слова принадлежали соседу

⁹ Сёрен Обю Кьёркегор (Søren Aabye Kierkegaard, 5.05.1813, Копенгаген — 11.11.1855) — датский философ, протестантский теолог и писатель.

¹⁰ Йозеф Герстман (1887-1969) — ведущий венский невропатолог, заведующий психиатрической больницы Марии Терезы Шлессел. Эмигрировал в США.

пациента, к которому я был послан для проведения гипноза.

Влияние врача

Сила. Я согласен с Джоном Рёскиным¹¹, который однажды сказал: «Есть только одна сила — сила спасти кого-то. И есть только одна честь — честь помочь кому-то». Я думаю, что это был 1930 год, когда я читал курс лекций «Психические заболевания, их диагностика, причины возникновения, профилактика и лечение» в рамках образовательных программ для взрослых. Я помню, как вошел в классную комнату в сумерках, так как свет еще не был включен. Я объяснил внимательной аудитории, состоящей из нескольких десятков человек, значение смысла ориентации и что жизнь, безусловно, имеет смысл. Я чувствовал, я был уверен, что эти люди были восприимчивы к моим словам, и что мне удалось дать им что-то стоящее. Они, в некотором смысле, были «глиной в руках гончара». Таким образом, я, может быть, использовал свою «силу спасти».

В Талмуде¹² сказано: «Спасти одну душу, все равно, что спасти целый мир».

Я помню также не очень молодую дочь всемирно известного зоолога, которая была моей пациенткой в психиатрической больнице в 1930 году. Она страдала обсессивно-компульсивным неврозом и была пациенткой на протяжении многих лет. Были сумерки, я сидел на краю ее кровати и убедительно говорил с ней.

Я сделал все возможное, чтобы побудить ее дистанцироваться от своих навязчивых действий. Я ответил на все ее аргументы и противостоял всем страхам. Она становилась все спокойнее и спокойнее, все менее обремененной и подавленной. Это очевидно, что каждое сказанное мной слово, было брошено на плодородную почву. У меня еще раз появилась возможность получить опыт «глина в руках гончара».

Философские вопросы

В юные годы я находился в состоянии восторга, полного энтузиазма от психиатрии и психоанализа. Так же я был очарован философией. Школа обучения взрослых предложила создать философскую мастер-

скую во главе с Эдгаром Зилселем¹³. Когда мне было 15 или 16 лет, я провел лекции в этой мастерской на тему «Смысл жизни». Даже в юном возрасте я развивал две базовые идеи. Первая заключалась в том, мы не те, кому следует спрашивать о значении жизни, мы те, кого спрашивают. Именно мы сами должны ответить на вопросы, которые жизнь задает нам, ставит перед нами. На эти вопросы мы можем ответить только будучи ответственными за свою жизнь.

Другая базовая идея, которую я развивал в юные годы, заключалась в том, что высший смысл есть и должен жить, обитать за пределами нашего понимания. Там существует то, что я назвал «высшим смыслом», но не в смысле чего-то сверхъестественного. В это мы можем только верить. В это мы должны верить. Бессознательно, по существу, мы все, действительно, верим в это.

Должно быть, в том же возрасте, однажды в воскресенье я был на улице Табор и размышлял о том, что мог бы назвать гимном мысли: «Благословенный будь судьбой, поверивший будь смыслом».

Под этим я подразумевал что, все через что нам приходится проходить в жизни должно иметь высший смысл. Этот высший смысл мы не можем понять, мы можем только верить в него. В конечном счете это было только повторное открытие Спинозы «*amor fati*» (перевод с лат. — любовь к року, вера в судьбу).

Вера

Я написал о вере многое. Я посвятил существенную часть моей литературной работы взаимным границам между психотерапией и богословием. Фриц Кюнкель¹⁴ выразил это в виде разницы между исцелением души и спасением души.

Во-первых, прежде всего это зависит от того, как я говорю о вере: как психиатр, философ, врач или просто как человек. Во-вторых, я прошел различные стадии развития: как ребенок я был религиозен, но затем, в период полового созревания, я выступал в качестве атеиста.

И, в-третьих, мы должны учитывать, обращать внимание на аудиторию, к которой мы обращаемся. Я не мог мечтать о признании моей личной веры,

¹³ Эдгар Зилсель (11.08.1891, Вена, Австрия – 11.03.1944, Окленд, Калифорния, США) – австрийский историк и философ науки.

¹⁴ Фриц Кюнкель (6.09.1889, Румыния – 2.04.1956, США) – немецкий психиатр и американский психолог. Врач и психотерапевт, один из выдающихся учеников А. Адлера. Социолог, который стремился объединить психологию, социологию и религию в единую теорию.

¹¹ Джон Рёскин (также Раскин, англ. John Ruskin; 8.02.1819, Лондон – 20.01.1900, Брентвуд) – английский писатель, художник, теоретик искусства, литературный критик и поэт.

¹² Талмуд (ивр. תּוֹרָה, «учение, учёба») – многотомный свод правовых и религиозно-этических положений иудаизма, охватывающий Мишну и Гемару в их единстве.

рассказывая психиатрам о методах и технике логотерапии. Это не способствовало бы распространению идей логотерапии, за которые я несу ответственность.

В своих последних публикациях я часто обсуждаю вопрос о том, что мы называем чистым совпадением, и о том, что может ли под видом очевидного совпадения скрываться окончательный, более глубокий и высокий смысл.

Это напоминает мне следующий эпизод. Однажды я посетил Венскую вотивную церковь¹⁵, которую я всегда любил, потому что она была построена в чистом готическом стиле, хотя ее строительство было начато в 1856 году. Я никогда не был внутри. Но моя жена и я услышали органную музыку, и я предложил Элли зайти и подсидеть там некоторое время.

Как только мы вошли, музыка остановилась, священник зашел на кафедру и начал проповедь. Он начал говорить о соседней улице Берггасс 19, и о безбожном Зигмунде Фрейде, который жил там. Затем он продолжил: «Но нам не нужно идти так далеко на улицу Берггасс. Прямо за нами, на улице Марианингасс, 1 живет Виктор Франкл, который написал книгу под названием «Доктор и душа» — действительно безбожная книга». Священник начал рвать мою книгу на клочки. Позже я представился, немного беспокоясь, что эта случайная встреча может вызвать у священника сердечный приступ. Он, конечно, не ожидал, что я буду присутствовать при его речи. Сколько времени прошло с момента моего рождения до этой церемонии, вплоть до нашего визита в вотивную церковь в первый раз? Насколько малы были шансы того, что я вошел бы в тот самый момент, когда священник упомянул меня в своей проповеди.

Я думаю, что существует только один вариант отношения к такого рода совпадениям, и он заключается в том, что не стоит даже пытаться объяснить их. Так или иначе, я абсолютно несведущий для того, чтобы объяснить их, и в то же самое время достаточно умен, чтобы отвергать их.

Возвращаясь в мою юность, а именно в возраст 15-16 лет, я отчетливо помню, как делал первые попытки философствования. Но, я все еще был слишком незрелым, чтобы удержаться от соблазна под названием «психологизм»¹⁶. Даже позже, во время моего обучения

в высшей школе, в статье под названием «Психология философского мышления», я продвигал психоаналитически ориентированную патологию А. Шопенгауэра. Но я опроверг утверждение, что больной обязательно неполноценен. Я установил это в своей книге «Доктор и душа»: «Дважды два будет четыре, даже если шизофреник говорит это».

Так же к моему искушению под названием «психологизм» был добавлен еще один соблазн — социологизм¹⁷. Во время моего обучения в высшей школе, на протяжении нескольких лет, я был руководителем социал-демократического молодежного движения. В 1924 году я был президентом движения социалистических студентов высших школ на территории всей Австрии. Мои друзья и я ночами бродили по парку Пратер, обсуждая альтернативы Маркса и Ленина, а так же Фрейда и Адлера.

Как же называлась моя статья, которую Адлер опубликовал в своем журнале? Эта тема красной нитью проходит через все мои работы, и она посвящена пограничной области между психотерапией и философией, уделяя особое внимание проблеме смыслов и ценностей в психологии. И я должен сказать, что едва ли знаю кого-то, кто боролся с этой проблемой так долго, как я. Это лейтмотив всей моей работы, основная мотивация которой заключалась в усилии преодолеть психологизм в области психотерапии, где он существовал обычно наряду с патологизмом. Но и психологизм и патологизм являются аспектами всестороннего явления под названием «редукционизм»¹⁸, который также включает социологизм и биологизм¹⁹. Редукционизм — это сегодняшний нигилизм²⁰. Эта система преуменьшает Человека, причем не меньше, чем это делает обобщающая парадигма под названи-

¹⁵ Вотивкирхе (нем. *Votivkirche* — «вотивная церковь»; также церковь Обета) — церковь Римско-католической церкви в Вене.

¹⁶ Психологизм — тенденция в философии и гуманитарном знании к объяснению духовных явлений и идеальных сущностей работой индивидуального или коллективного сознания.

¹⁷ Социологизм — методологическая и теоретическая позиция в социологии и социальной философии, начавшая развиваться с конца XIX в. Социологизм явился реакцией на натурализм и психологизм в обществе.

¹⁸ Редукционизм (от лат. *reductio* — возвращение, приведение обратно) — методологический принцип, согласно которому сложные явления могут быть полностью объяснены с помощью законов, свойственных явлениям более простым (например, социологические явления объясняются биологическими или экономическими законами).

¹⁹ Биологизм — направление в социологии, сводящее существо общественных отношений и общественных факторов к биологическим явлениям и процессам.

²⁰ Нигилизм (от лат. *nihil* — ничто) — мировоззренческая позиция, выражающаяся в отрицании осмысленности человеческого существования, значимости общепринятых нравственных и культурных ценностей; непризнание любых авторитетов.

ем «Человеческое измерение». Данная система переводит уникальные явления из трехмерной системы в двумерную, которая ниже по своему уровню, чем уровень Человека. Другими словами — редукционизм негуманистичен.

Встреча с индивидуальной психологией

Теперь давайте вернемся к Адлеру. В 1925 году моя статья «Психотерапия и мировоззрение» была опубликована в журнале индивидуальной психологии. В 1926 году последовала еще одна. В том же году меня попросили выступить на международном конгрессе по индивидуальной психологии в Дюссельдорфе, но я не смог сделать это, не отклоняясь от общепринятой ортодоксальной линии конгресса. Я отрицал, что каждый невроз всегда и везде является лишь «средством к достижению цели» (как это прописано в теории «Классификация характеров»). Я настаивал на альтернативной возможности рассматривать невроз не только как «средство к достижению», но и как симптом, который несет не только инструментальные, но и экспрессивные функции.

Именно с этим я обратился к слушателям во Франкфурте и Берлине во время своего первого тура лекций. В это было сложно поверить и это выглядело почти курьезно, когда я, будучи студентом медицинского факультета в возрасте 21 года, читал лекции о смысле жизни по приглашению молодых социалистических рабочих Франкфурта. Целые колонны молодых людей с флагами маршировали от места сборов до моей лекции. В Берлине я читал лекции в «Обществе индивидуальной психологии».

В 1927 году мои отношения с Адлером ухудшились. В это время я находился под влиянием двух людей, которые завладели моим вниманием не только благодаря своим научным идеям, но и личностным качествам. Я говорю сейчас о Рудольфе Аллере и об Освальде Шварце²¹. Я начал работать под руководством Аллера в его лаборатории «Физиология органов чувств». Шварц — основатель психосоматической медицины и медицинский антрополог оказал мне честь, предложив написать вступительное слово к моей книге.

Эта работа никогда не выходила в свет, и, тем не менее, я был исключен из «Общества индивидуальной психологии». Этот «уход» я опишу более подробно. (Краткая версия центральных идей той «прерванной»

книги появилась в 1939 году в Швейцарском медицинском еженедельнике. В своем предисловии Шварц написал, что моя книга необходима для истории психиатрии, так же как труд Канта под названием «Критика чистого разума» необходим для философии).

В это время, я, в конечном счете, пережил собственный психологизм. Моя окончательная встряска была вызвана Максом Шелером²², работу которого «Формализм в этике» я нес как библию.

Настало лучшее время для самокритики. Я был приглашен Александром Ноуером — мудрым богемцем среди Адлерианцев, принять участие в разговоре в литературном кафе «Двор господ». Он сказал мне, что исходя из моих писем, которые он прочитал, он пришел к заключению, что у меня было преимущество над гештальтпсихологией и так же над попыткой Макса Планка решить проблему свободы желания. Но после этих слов, опять же основываясь на моих письмах, он начал неистово ругать меня, как отступника/бунтаря/мятежника духа. Это было больно. Но с того момента я больше не желал идти на компромисс.

Это был 1927 год, когда Аллерс и Шварц открыто объявили о своем уходе из «Общества индивидуальной психологии» и объяснили причины своего ухода. Их решение ранее было известно только в узких кругах. Заседание проходило в большом лекционном зале Гистологического института в Вене. В задних рядах сидели несколько фрейдистов, которые наслаждались зрелищем, видя, как Адлера постигла та же участь, что и Фрейда, когда Адлер ушел из «Общества Психоанализа». Присутствие фрейдистов сделало Адлера более чувствительным к этому событию.

Когда Аллерс и Шварц завершили свое выступление, в воздухе повисла напряженная пауза. Все ждали реакции Адлера. Мы ждали напрасно. Проходили минуты смущения. Я сидел рядом с Адлером в первом ряду. Между нами сидел один из его студентов, замечания которого, относительно идей Адлера, были известны Адлеру, также как и мои собственные. Наконец, Адлер обратился к нам, усмехаясь: «Ну, Вы герои?» Этим вопросом он хотел дать нам понять, что мы должны иметь мужество показать наше истинное лицо, взфв слово.

Таким образом, у меня не было другого выбора кроме как возложить ответственность на себя и на глазах у всех объяснить, как индивидуальной психологии до сих

²¹ Рудольф Аллерс и Освальд Шварц — два отдельных психолога, оставившие «Общество индивидуальной психологии», в котором их антропологическая точка зрения не встретила понимания.

²² Макс Шелер (нем. Max Scheler; 22.08.1874, Мюнхен, Королевство Бавария, Германская империя — 19.05.1928, Франкфурт-на-Майне, Германская империя) — немецкий философ и социолог, один из основоположников философской антропологии.

пор приходилось освобождаться от психологизма. И я совершил ошибку, объявив себя, прямо перед «вражески настроенными психоаналитиками», сторонником Шварца и даже назвал его своим учителем. Также я сказал, что не видел причин оставлять «Общество индивидуальной психологии», потому что верил, что мы — участники этого общества, можем преодолеть наш психологизм. Напрасно я старался навести мосты между Аллерсом, Шварцем и Адлером.

После этого вечера Адлер больше не произносил ни слова в мой адрес, не реагировал на мои поздравления, когда вечерами я многократно подходил к его столу в кафе «Силлер», где он собирал почитателей своего творчества. Он не мог смириться с тем, что я не поддержал его безоговорочно.

Неоднократно Адлер, через других людей, советовал, намекал и предлагал мне оставить общество, но я не видел причин для этого. Спустя несколько месяцев, я был формально исключен из общества.

Мое исключение было значимым событием для меня. Я потерял возможность проводить открытые дискуссии. В течение года я был редактором журнала по индивидуальной психологии под названием «Человек в повседневной жизни». Несколько человек поддерживали меня, и оставались со мной, как по профессиональным так и по человеческим убеждениям. Я с благодарностью вспоминаю Эрвина Вексберга²³ (который умер очень рано), Рудольфа Дрейкурса²⁴, а так же, не в последнюю очередь дочь Адлера — Александру.

Иногда мне говорят, что логотерапия — это просто психология Адлера в своих лучших проявлениях. И нет никаких причин рассматривать ее как отдельную философскую школу и присваивать собственное имя. На это я обычно отвечаю: «Кто имеет более высокую квалификацию для того, чтобы определить, является логотерапия индивидуальной психологией Адлера или нет? Кто, если не сам Адлер? Именно Адлер настоял на том, чтобы я был изгнан из общества».

Начало логотерапии

Тем временем, Фриц Виттельс²⁵ — первый биограф Зигмунда Фрейда, Максимилиан Зильберман

и я основали Академическое общество медицинской психологии. Я был избран ее вице-президентом, М. Зильберман был президентом, Фриц Редлих²⁶ и Питер Хофстеттер²⁷ были его приемниками. В комиссии экспертов был З. Фрейд, П. Шилдер и выдающиеся люди Вены, которая в 1920 году была Меккой психотерапии. Именно в учебной группе этого общества я впервые заговорил о логотерапии, читая лекции перед академической аудиторией.

Альтернативный термин — экзистенциальный анализ я начал использовать с 1933 года. К тому времени я уже до некоторой степени систематизировал свои идеи. В 1929 году я развил концепцию трех групп ценностей, или трех возможных способов искания смысла жизни до последнего момента, до последнего вздоха. Эти три возможности: дело, которое мы делаем, работу, которую создаем; опыт, встреча с человеком, любовь; встреча с неизбежностью (неизлечимая болезнь), судьбой, роком и изменение отношения к этому року. В этих случаях мы все еще можем постичь значение жизни, обращаясь к самой человеческой из всех способностей человека, к способности превратить страдание в человеческий подвиг.

Вольфганг Соусек назвал логотерапию третьей Венской школой психотерапии. Можно сказать, что основной биогенетический закон Хэекеля был подтвержден во мне. Закон, который гласит, что онтогенез²⁸ повторяет филогенез²⁹ в сокращенном виде. Так или иначе, я прошел через первые две школы психотерапии в Вене, так же в сокращенном виде. В 1924 году (как уже было сказано выше) одна из моих статей была опубликована в международном журнале психоанализа, а через год еще одна публикация появилась в международном журнале индивидуальной психологии.

Я не только принимал участие в развитии психотерапии, но и предвидел некоторые события. В 1929 году я уже использовал парадоксальный метод,

²⁶ Фриц Редлих (18.01.1866, Брно, Чехия – 9.06.1930, Вена, Австрия) – австрийский невропатолог и психиатр.

²⁷ Питер Хофстеттер (1913, Вена – 1994 года, Букстехуде) – австрийский социальный психолог. В 1950 г. повторно ввел экспериментальные и эмпирические методы в психологию Германии.

²⁸ Онтогенез (от греч. *ón*, род. падеж *óntos* – сущее и *genesis*) – индивидуальное развитие организма, совокупность последовательных морфологических, физиологических и биохимических преобразований, претерпеваемых организмом от момента его зарождения до конца жизни.

²⁹ Филогенез, филогенеза (от греч. *phyle* – племя и *genesis* – происхождение) (биол.) – процесс развития органического мира в целом или отдельных его групп.

²³ Эрвин Вексберг (12.02.1889) – австрийский психотерапевт и невролог.

²⁴ Рудольф Дрейкурс (8.02.1897, Вена, Австрия – 25.05.1972, Чикаго, США) – австро-американский психолог и педагог. Доктор медицинских наук, профессор.

²⁵ Виттельс Фриц (1880-1951) – австрийский психоаналитик и писатель. Один из первых биографов Фрейда. Популяризатор психоанализа.

который позже был обозначен в Швейцарском архиве по неврологии и психиатрии. С тех пор выдающиеся бихевиористы, изучающие поведенческие реакции и особенности поведения людей, часто указывали на то, что парадоксальная интенция во многом предвосхитила бихевиористические методы, разработанные в 60-х гг.

Кроме того в 1947 году в своей книге «Психотерапия на практике», я подробно описал методы лечения импотенции, которые в 70-х гг. были провозглашены как «Новая сексуальная терапия Вильяма Мастерса и Вирджинии Джонсон».

Я в долгу перед бихевиоризмом по многим причинам. Бихевиоризм поставил передо мной сложную задачу: бороться против психоанализа и индивидуальной психологии. Есть одна немецкая поговорка, которая гласит: «Когда две школы борются друг с другом, третья радуется». Я всегда радуюсь, если логотерапии не приходится критиковать другие направления, даже когда критика полностью оправдана и давно назрела.

Что касается самой логотерапии, то у нее было не меньше власти и авторитета, чем у Г. Олпорта³⁰ в предисловии к книге «Человек в поисках смысла». Г. Олпорт назвал логотерапию самым значительным психологическим движением наших дней. А Жан Баттиста Торелло сказал, что логотерапия представляет последнюю достоверную систему психотерапии. Если это так, то судьбоанализ Сонди³¹ должен быть упомянут, как другая, еще одна чрезвычайно систематизируемая теория, однако, систематизация — единственное и скорее просто формальное сходство между нашими вкладами. Лично я считаю, что тест Сонди — это утонченная игра с идеями, но не более того.

Торелло утверждает, что я займу свое место в истории психиатрии, как человек, который терапевтически занялся болезнью столетия — смыслом бессмысленности. Это правда, что логотерапия, когда все сказано и сделано, была разработана для этой цели.

Но если кто-то пытается найти глубокие корни и окончательные причины создания логотерапии, я могу назвать только одну вещь, которая побудила меня к разработке и продолжению неустанной ра-

боты с логотерапией. Именно сострадание, которое я чувствовал к жертвам цинизма, которым заражена психиатрия, как «гнилая торговля», побудило меня создать логотерапию.

Когда я говорю «торговля», я имею в виду ее коммерциализацию, а под словом «гнилая» я подразумеваю ее научную нечистоту. Если Вы сталкиваетесь с пациентами, которые страдают не только в психологическом отношении, но и которым был причинен ущерб еще и в результате психотерапии, сердце откликается на их беду. И, действительно, борьба с этим лишением индивидуальности, обезличиванием человеческого достоинства, дегуманизацией тенденций — все это имеет корни в психологизме психиатрии и проходит красной нитью сквозь все мои работы.

Мы — логотерапевты разработали несколько методов. Парадоксальная интенция известна уже давно, а вот техника извлечения на свет общего знаменателя известна меньше. Это напоминает мне визит Илзе Айхингер³². Илзе Айхингер очень хорошо известная сегодня, обратилась ко мне, когда она была еще студенткой медицинского факультета. Илзе находилась в состоянии дилеммы, пытаясь решить продолжать ли ей писать роман, который она уже начала (роман, сделавший ее знаменитой) или проводить далее ее медицинские исследования. После долгого разговора она решила, что временное прерывание исследований было меньшей проблемой, чем откладывание завершения ее романа. Вопрос об общем знаменателе был таков: «Что будет больше подвержено риску, если прервется?».

Что же касается парадоксальной интенции, я сразу возвращаюсь к ней, когда надо мной нависает угроза быть оштрафованным. Как, например, в случае, когда я проехал на желтый свет. Полицейский, который остановил мой автомобиль, обратился ко мне угрожающе. Я встретил его, исполненный самообвинениями: «Вы правы, офицер. Как я мог совершить такую ошибку? Нет мне оправдания. Я уверен, что никогда не сделаю ничего подобного снова. Это будет уроком для меня. Это, конечно, преступление, которое заслуживает наказания».

Офицер сделал все возможное для того, чтобы успокоить и убедить меня не волноваться, говоря, что мне не о чем беспокоиться. Он сказал, что такое может случиться с кем угодно, и он уверен, что я больше никогда не поступлю так опять.

Давайте вернемся к годам моего обучения психиатрии и более конкретно к деятельности, когда я вышел из «Общества индивидуальной психологии».

³⁰ Гордон Уиллард Олпорт (англ. Gordon Willard Allport; 11.11.1897 – 9.10.1967) – американский психолог, теоретик черт личности.

³¹ Леопольд Сонди или Зонди (венг. Leopold Szondi, собственное имя – Липот Зонненшайн, 11.03.1893, Нитра, Австро-Венгрия (современная Словакия) – 24.01.1986, Кюснахт, кантон Цюрих) – венгерский психолог и психиатр, отец филолога Петера Сонди. Автор концепции «Судьбоанализ» и созданного на основе этой концепции теста Сонди.

³² Илзе Айхингер (1921 г. Вена) – австрийская писательница.

Теория и практика: молодежный консультационный центр

После моего изгнания из общества Адлера, акцент моих интересов перенесся с теории на практику. Я создал первые молодежные консультационные центры в Вене, а затем еще в 6 других городах, которые базировались на Венской модели. В эти центры молодые люди могли обратиться за консультацией со своими психологическими проблемами, расстройствами, недомоганиями. Такие люди, как Август Айхорн³³, Эрвин Вексберг³⁴ и Рудольф Дрейкурс добровольно, без вознаграждения занимались консультированием. Шарлотта Бюлер³⁵ так же оказывала помощь и консультации по специальному проекту для учащихся, в то время, когда были выпущены табели успеваемости средней школы, которых все боялись. Это был первый год, за последние годы, когда в Вене не было сообщений о самоубийствах студентов.

Другие страны стали проявлять интерес к этой работе, и я был приглашен читать лекции на эту тему. В Берлине я встретился с Вильгельмом Райхом³⁶, который проявил интерес к консультациям молодежи. Во время обсуждения моей работы с сексуальными проблемами, мы несколько часов ездили в открытом кабриолете по улицам Берлина. В Праге и Будапеште я читал лекции в университетах. В Праге я встретил Отто Потцла³⁷, который позже стал приемником Вагнера фон Яурегга

³³ Айхорн (Aichhorn) Август (27.07.1878, Вена – 13.10.1949, Вена) – австрийский психоаналитик. Работал в качестве учителя. В 1922 г. прошел учебный анализ у П. Федерна и был принят в члены Венского психоаналитического общества. В 1946 возродил Венское психоаналитическое общество.

³⁴ Эрвин Вексберг (12.02.1889) – австрийский психотерапевт и невролог.

³⁵ Шарлота Бюллер (1893-1974) – немецкий психолог. В 1930 году она учредила группу ученых, проводивших исследования по детской и юношеской психологии.

³⁶ Вильгельм Райх (нем. Wilhelm Reich; 24.03.1897, Добрянчи, Галиция, Австро-Венгерская империя – 3.11.1957, Льюисбург, Пенсильвания, США) – австрийский и американский психолог, один из основоположников европейской школы психоанализа. Он пытался соединить теорию Маркса и Фрейда и сделал биологически-психологическое исследование в области страха и сексуальности. Имел сильное влияние на анти-авторитарное движение 60-х гг. Основные труды: «Массовая психология фашизма» (1933); «Анализ характера» (1933); «Сексуальная революция» (1933).

³⁷ Отто Потцл (29.10.1877, Вена – 1.04.1962, Вена) – психиатр и невропатолог, глава психиатрической клиники университета Вены. Был первым, кто ввел курс о психоанализе в немецкоязычное пространство.

в Вене. Потцл стал и остался моим отеческим другом на протяжении всей моей жизни.

По сравнению с Фрейдом и Адлером, Потцл был для меня персонификацией гения. Потцл имел одну особенность, характерную для многих гениев, он был очень рассеянным. Следующая история, которую я сейчас расскажу — правда. Однажды он пришел ко мне в поликлинику, где я, как Вы помните, был заведующим отделением неврологии. Я пригласил его в свой кабинет, у него был с собой зонт. Когда мы расставались, он попрощался, и я проводил его к двери. Через некоторое время он вернулся, так как забыл свой зонт. Он взял его и снова ушел. Позже я заметил, что он взял мой зонт по ошибке, поэтому я крикнул ему вслед: «Господин профессор, Вы взяли мой зонт!»

«Прошу прощения», — сказал он, и взял свой зонт. Когда он ушел, я увидел, что он не вернул мой зонт. И я опять побежал за ним и сказал: «Извините меня, господин профессор, но на этот раз Вы взяли оба зонта».

Он извинился опять и вернулся в третий раз, чтобы вернуть мой зонт. Наконец, он взял свой зонт, а не чей-то другой.

По приглашению Маргарет Роллер из немецкой службы по делам молодежи, я дал лекцию в Брно. После лекции мы вместе пошли на ужин. Внезапно она задумалась и вспомнила, что несколько лет работала с моим отцом в службе по делам молодежи, а теперь работает со мной. Это была правда: мой отец основал вместе с министром Джозефом Марией фон Банрайтер центр защиты детей и центр по делам молодежи.

В молодости я думал, что нет ничего более скучного, чем социальное обеспечение. Я продолжал думать так до тех пор, пока Маргарет Роллер не показала мне, что я, занимаясь консультированием молодежи, тоже служил движению по делам молодежи, по части психологии.

Мне пришлось покинуть Маргарет Роллер в спешке, чтобы полететь в Вену, в качестве единственного пассажира в машине для четырех пассажиров. В это время пилот по-прежнему сидел в открытом пространстве, а не в кабине (1930). Этот полет, был моим первым полетом, и для меня это было приключением. Без перелета было бы невозможно оказаться в Вене вовремя к началу занятий, которые я вел. Кстати, это был, первый курс психологической гигиены, когда-либо предложенный школе обучения взрослых.

Я помню, что каждый раз, когда я хотел произвести впечатление на девушку, внимание которой не мог привлечь одной только своей внешностью, я использовал одну маленькую хитрость. Например, я знако-

мился с ней на танцах и начинал расхваливать некоего Франкла, на чьем классе я присутствовал в школе для взрослых, с энтузиазмом приглашая ее сопроводить меня послушать его лекции. В итоге мы оба сидели в большом зале на улице Черкус, где этот Франкл ввел занятия в его известных классах. С мудрой предусмотрительностью я сидел в конце первого ряда. Можно представить впечатление, произведенное на девушку, когда человек, который назначил ей свидание, внезапно покидал свое место и под аплодисменты аудитории, подходил к трибуне.

Также я предложил лекции для «Социалистического молодежного движения». Через эти лекции, с последующими периодами их обсуждения, я приобрел сундук сокровищ моего опыта. Это было добавлено ко всему, что я узнал от тысяч молодых людей, которые приходили в наш консультационный центр.

Возможно, именно мой опыт побудил профессора Поцла сделать исключение (первый и, очевидно, единственный раз) и дать разрешение Отто Когереру — заведующему психотерапии в клинике Потцла, позволить мне работать там в качестве психотерапевта без надзора (контроля) еще до моего окончания медицинской школы. Я старался забыть, чему я научился у психоанализа и индивидуальной психологии, для того, чтобы учиться, слушая моих пациентов. Я хотел выяснить, как им удалось улучшить свое состояние. Я начал импровизировать.

Я запоминал, что пациенты говорили мне, но часто забывал, что сам говорил им. Я не раз слышал от пациентов, как они практикуют парадоксальную интенцию. Когда я спрашивал их, как это произошло, что они начали думать о таких способах борьбы с неврозами. Они удивлялись и отвечали мне: «Это ведь Вы сказали нам об этом». А я уже забыл свое собственное изобретение.

Годы медицинского обучения

После окончания университета я сначала работал под руководством Поцла в психиатрической клинике университета. Затем на протяжении двух лет с Йозефом Герстманом (синдром Герстмана/ангулярис синдром был назван в его честь), и таким образом приобрел опыт в неврологии. Также я проработал 4 года в психиатрической больнице Ам Штайнхоф, о которой уже говорил. Там я отвечал за корпус склонных к суициду женщин. В то время я был ответственным за не менее чем 3000 пациентов в год. Это, безусловно, помогло мне углубить мои диагностические навыки.

Во время работы в Штайнхоф, я открыл корругатор феномен³⁸ как признак сильных шизофренических атак. Я записал фильм со своими наблюдениями и показал его, выступая с лекциями по этой теме в Венском психиатрическом обществе.

Мои первые дни в Штайнхоф были ужасными, а ночи были еще хуже. Меня мучали ночные кошмары, навеянные работой с психиатрическими заболеваниями. Мой руководитель — Леопольд Павлицкий³⁹, отец хорошо известного Венского музыканта, предупредил меня в первый же день: никогда не входить в корпус психотических женщин в очках. Меня могли ударить по лицу, и разбитые стекла очков повредили бы глаза. Такие травмы, вызванные собственной невнимательностью, не покрывались моей страховкой. Я последовал этому совету и был ударен в лицо в первый же день, так как не мог хорошо видеть без очков. С тех пор я носил очки и таким образом мог заметить любую приближающуюся женщину, готовую нанести мне удар. Спасибо моим очкам, благодаря им, я мог пуститься наутек вовремя.

В течение четырех лет пребывания в Штайнхоф, я застенографировал несколько забавных высказываний пациентов. Я даже увлеклся идеей написать книгу, под названием «Дураки говорят правду». У нас есть поговорка на немецком языке, которая гласит: «Дети и дураки говорят правду». Я использовал несколько из этих историй в своих книгах. Например, моей пациентке — пожилой женщине во время прохождения IQ теста был задан стандартный вопрос: «Какая разница между ребенком и гномом (карликом)?» Она ответила: «Ох, мой ребенок есть ребенок, а гном (карлик) работает в шахте». Некоторые из моих любимых ответов были ответы на вопрос: «Вы сексуально активны сейчас, или Вы были сексуально активны в прошлом?» Один пациент сначала сказал — нет, но когда я спросил — «Никогда?» — последовал ответ: «Ну, да, как ребенок». Другая женщина ответила: «Вы знаете, доктор, только когда я была изнасилована. А так я много не двигаюсь».

Я могу заметить, что предполагаемое название книги «Дураки говорят правду», также указывало на теорию, на которой базировалась логотерапия, в ее оригинальной борьбе с психологизмом в психотерапии. Принцип этот заключался в том, что большой необязательно неполноценен. Эту теорию я назвал —

³⁸ Корругатор феномен — диагностически полезное явление для обнаружения шизофрении. Впервые описанное Франклом в 1935 г., под названием «Частое явление — шизофрения».

³⁹ Леопольд Павлицкий — на протяжении многих лет руководил Венской психиатрической больницей Стэйнхоф.

логотерапией. Логотерапия объявляет войну патологизму. Как я уже говорил: «Дважды два будет четыре, если даже параноик говорит это».

В 1937 году я открыл частную практику, как специалист невралгии и психиатрии. И это напоминает мне один эпизод. В начале практики у меня был трудный пациент. Мой консультационный кабинет был в доме родителей, и в тот момент все мои родные уехали в отпуск. Я был один в квартире с высоким, спортивным молодым человеком, который был шизофреником. Мы жили на четвертом этаже и окна были открыты. Внезапно он пришел в ярость, начал проклинать меня и клясться, что выбросит меня из окна во внутренний двор. Я был недостаточно силен, чтобы сопротивляться ему, но не стал умолять сохранить мне жизнь. Скорее я делал вид, что был глубоко оскорблен. «Послушайте, — сказал я. — Это, действительно, причиняет мне боль до глубины души. Я здесь прилагаю все усилия, чтобы помочь Вам. И что я получаю взамен? Вы разрушаете нашу дружбу, и я не ожидал этого от Вас. Это, действительно, больно для меня».

Это остановило его. Я убедил его искать защиты от «врагов» в клинике. Я сказал, что только в клинике он может быть в безопасности. Провожая до стоянки такси, я убедил его в том, что ему не придется платить деньги из-за подлости его врагов. Я предложил взять такси не до клиники, а прямо до полицейского участка. Сказал, что полиция отвезет его в клинику за счет города, и он будет проходить лечение за счет государства.

Анилюс Австрии

У меня не было возможности продолжать мою практику долгое время. Так как через 5 месяцев после ее открытия, в марте 1938 года Гитлеровские войска вошли в Австрию. Этим роковым политическим вечером я читал лекцию за своего коллегу. Лекция называлась «Нервозность как феномен нашего времени». Внезапно распахнулась дверь, и перед нами стоял мужчина из штурмового отряда (СА)⁴⁰ в нацистской униформе. Может быть, что-то случилось с нашим канцлером К. Шушнигом⁴¹? Спросил я сам себя. Было

очевидно, что этот мужчина намеривался помешать нам и заставить закончить лекцию.

Я думал про себя: я должен сделать невозможное возможным, и лекция должна быть такой, чтобы этот человек забыл, зачем сюда пришел. Таким образом, я столкнулся с ним открыто и продолжал говорить. Он стоял в дверном проеме, не двигаясь, пока я не закончил лекцию. Для меня это был акт риторической храбрости.

Я поспешил домой. Улицы были заполнены пением, аплодисментами, воем демонстрантов. Дома я нашел маму плачущей. Шушниг только что попрощался с Австрийскими людьми по радио, и печальная мелодия звучала сейчас в эфире.

После вхождения гитлеровских войск, казалось, что все было проклятием и несло несчастье. Было невозможно получить визу в другую страну. Мне предложили должность заведующего отделением неврологии в больнице Ротшильда, и я принял ее. Этот пост обеспечивал мне и моим престарелым родителям защиту от депортации в концентрационные лагеря.

В условиях чрезвычайной ситуации того времени, у меня была возможность предпринять некоторые научные вмешательства относительно умирающих пациентов в больнице Ротшильда. В день было предпринято до десяти попыток суицида — настолько катастрофическим было настроение еврейского населения в Вене! Пациентам, которых молодые специалисты, особенно профессор Донас, считали безнадежными, я давал различные стимуляторы внутривенно, и если это не помогало, тогда *intracisternally*. Во время войны, с одобрения консультанта по еврейским делам национального социалистического медицинского подразделения, я опубликовал статью об этом методе в Швейцарском журнале «Арс Медичи».

В то время я также развивал определенную технику перфорации подзатылочного мозга, которая позволяла мне устранять типичный источник опасности. Этот метод использовался в крайних случаях, когда интрацистернальное введение инъекции не имело эффекта. Трепанируя череп, я начал вливать лекарства со стороны желудочка головного мозга, истощая четвертый желудочек через подзатылочную перфорацию. Это, в кратчайшие сроки, направляло лекарство к потоку «*aqueductus syhii*», где оно могло ускорить эффект в жизненно важных центрах рядом. В результате даже те пациенты, которые уже переставали дышать и, у которых не прощупывался пульс, могли выжить. Но спасти удавалось не всех. Некоторые пациенты жили только день или два. Мы делали все, что могли.

⁴⁰ Штурмовые отряды (нем. *Sturmabteilung*, сокращённо СА, штурмовики; известны как коричневорубашечники) — военизированные формирования НСДАП.

⁴¹ Курт Алоис Йозеф Иоганн Эдлер фон Шушниг (нем.: Kurt Alois Josef Johann Edler von Schuschnigg) (14.12.1897, Ривадель-Гарда, Южный Тироль, Австро-Венгрия — 18.11.1977, Инсбрук, Австрия; с 1919 — Курт Шушниг) — австрийский государственный и политический деятель. Федеральный канцлер Австрии (1934-1938).

Следует отметить, что я овладел методами хирургии мозга только благодаря книгам, в основном У. Денди⁴². Профессор Райч — хирург больницы Ротшильд отказался выполнять операции, а профессор Шоунбауэр — единственный специалист хирургии мозга в Вене на тот момент, не позволял мне даже смотреть, когда он или кто-нибудь из его сотрудников делали операцию на головном мозге.

Я был настолько поглощён хирургией головного мозга, что мечтал о полноценных операциях. Дежурный операционной клиники Ротшильда, который работал в Шоунбауэром несколько лет, не мог поверить, что я прежде не работал нейрохирургом.

Моя помощница — доктор Раппапорт, не одобряла моего желания спасать людей, которые пытались покончить жизнь самоубийством. И вот наступил день, когда она сама получила заказ на депортацию. Она пыталась покончить с собой, но была доставлена в мой отдел, и я помог вернуть ее к жизни. Но, в конечном счете, ее все равно депортировали.

Я уважаю решение людей, которые хотят покончить жизнь самоубийством. Но, также я хотел бы, чтобы другие люди уважали и мой принцип: я должен спасать человеческие жизни. Я нарушил этот принцип только однажды.

Пожилая супружеская пара сделала попытку двойного самоубийства и была доставлены в Ротшильд. Жена умерла, а муж был близок к смерти. Меня спросили, должен ли я пытаться спасти его. Я не нашел ответа в своем сердце, когда спросил себя: смогу ли я оправдать возвращение этого человека к жизни только тем, что он будет присутствовать на похоронах своей жены.

Есть люди, которые, знают, что они неизлечимо больны, что им осталось недолго жить, что им осталось только страдать. Но это страдание также дает им шанс, последнюю возможность, чтобы реализовать себя. Можно и нужно показать им эту фундаментальную возможность, делая это с предельной осторожностью. Но такой героизм самоактуализации человек может потребовать только от самого себя. Это в полной мере является проблематичным для понимания тех, кто настаивает, что лучше было бы отправиться в концлагерь, чем сдать нацистам. Если даже это и так, то такое заявление могут сделать только те люди, которые сами проявили мужество, а не те, кто бежал

за безопасностью за границу. Легко судить людей задним числом.

Под гнётом Гитлера ситуация в области медицины имела трагикомический эффект, как это обычно бывает в экстремальных ситуациях. Многие из еврейских врачей, включая тех, кто работал в отделении неотложной помощи, были высланы или уволены. Они были заменены молодыми и неопытными нацистскими врачами. Возможно, этим фактом объясняется следующий эпизод. Пациентка была доставлена в Ротшильд, и врачи отделения неотложной помощи констатировали факт ее смерти. Она была перевезена в морг больницы. Там пациентка пришла в себя и снова вошла в припадок безумия. После того как врачи обнаружили ее, она была помещена во внутреннее отделение медицины. Я предполагаю, что это был довольно необычный случай, когда пациента перевели из морга в отделение внутренней медицины.

Другая печальная ситуация не была лишена комического аспекта. Благодаря лечению, я помог молодому эпилептическому пациенту освободиться от припадков. Вместо них, правда, он начал испытывать приступы ярости. Во время такого приступа, он стоял на середине улицы Ротенстерн, в основном еврейском квартале Вены и на виду у всех людей произносил тираду против Гитлера. Я взял его на повторное лечение. Скоро его припадки и истерика возобновились, но он был избавлен от гораздо более опасного побочного эффекта, который побуждал его осуждать Гитлера публично.

Сопротивление эвтаназии

Доктор Потцл как член партии, носил свастику на отвороте, но был очень далек от антисемитизма. Он проявил немалое мужество и помогал насколько мог мне и моим еврейским пациентам. Единственные пациенты, которых мне разрешали лечить в то время, были евреи. Мало того он пришел ко мне в еврейскую больницу, чтобы организовать перевозку пациентов с опухолью головного мозга в хирургическое отделение клиники университета, но сделал еще более того. Он, действительно, помог нам сорвать исполнение нацистских приказов об эвтаназии душевнобольных.

Я нашел в еврейском доме престарелых несколько кроватей с защитными решетками и сетками, которые использовались в те дни. Гестапо насильственно запрещало, в соответствии с законом, размещать психически больных людей в таких домах. Мне удалось обойти этот закон, выдавая шизофрению за афазию (органическое заболевание головного мозга) и меланхолию, как бред лихорадки (психоз не в

⁴² Уолтер Эдвард Денди (6.04.1886, Седалия, Миссури, США – 19.04. 1946, Балтимор, Мэриленд, США) – американский нейрохирург и учёный. Он считается одним из отцов-основателей нейрохирургии, и известен многочисленными открытиями и инновациями.

строгом смысле слова). Таким образом, я защищал администраторов, зрителей этих домов, но одевал петлю на собственную шею. Как только пациент был размещен с защитными решетками и сеткой, шизофрению можно было вылечить с применением кардиазол шока, и фаза меланхолии могла быть преодолена без риска суицида.

Потцл, должно быть, был информирован на этот счет, потому что всякий раз, когда в его клинике появлялся еврейский пациент, они звонили в этот объединенный дом и говорили: «У нас еврейский пациент. Вы можете принять его?» Тщательно и сознательно они избегали диагноза шизофрении. Они хотели воспользоваться моей диагностической уловкой. Это был лучший способ сорвать эвтаназию. В результате получилось, что члены национальной социалистической партии становились жертвами закона об эвтаназии, в то время как многим еврейским пациентам в той же самой ситуации удалось избежать этого. Без помощи Потцла это было бы невозможно.

Я помню, случай, когда мне нужно было забрать еврейского мужчину и женщину, которые не могли

больше оставаться под частным присмотром супружеской пары. Со мной была социальная работница из еврейского общественного центра. По дороге назад две машины такси были перед нами, каждая перевозила пациента. Вдруг я заметил, что такси движется в нашем направлении, по направлению к нашему дому, в то время как другая машина повернула налево.

«Как же так?» — спросил я социальную работницу.

«О, да», — сказала она. — «Я забыла сказать Вам. Женщина, которую повезли налево больше не еврейка. Она обратилась некоторое время назад, поэтому мы не можем принять ее в нашем доме для престарелых. К несчастью, ее должны отвести в психиатрическую больницу Стэйхофа».

Какой перекресток! Прямо впереди безопасность дома для престарелых, а слева дорога, ведущая через Стэйнхоф в газовую камеру! Кто мог предвидеть, что будет следовать за решением этой женщины. По моей спине пробежала дрожь, когда я понял, что обстоятельства могут превратиться в смертный приговор.

(Продолжение в следующем номере)